

Краткая биографическая справка

Агафий - о себе (из предисловия к "Истории царствования Юстиниана")

К ЧИТАТЕЛЮ (ПРЕДИСЛОВИЕ К АНТОЛОГИИ)

Я думаю, давно уж вы пресыщены,
Друзья, таким словесным изобилием,
Которым вы по горло переполнены
И, сидючи, едва-едва не лопнете, —
Затем, что много есть таких заботников,
Которые такими разносолами
Вас потчуют, что уж претит привычное.
Так что же мне-то делать с заготовленным
Смахнуть его, чтоб на столе не путалось?
Или на рынке выставить желающим,
Чтоб задешево расхватать по мелочи?
Найдутся ль на мое добро охотники,
Которые настолько потеряли слух,
Что грош дадут за строчки стихотворные?

И все же есть надежда, что порадует
Изделие мое иных читателей.
Обычай мой — всегда подать желанное,
Кто и когда каких ни спросит кушаний,
И к угощению, собранному в складчину,
Свое добавить приношение новое.
А чтобы не один я был хозяином,
Вам яства предлагающим отменные,
Подговорил я в помощь сотоварищей,
Чтоб общею заботой пир вкуснее стал
И впрямь, кто чем богаты, были щедр
И я, приняв по мере сил от каждого,
Горжусь, какая получилась складчина
Иной, конечно, может быть, обидится
И скажет: это тесто мной замешано
Во славу девяти парнасских песенниц,
А он его лишь выставил в застолий.
Так проворчит какой-нибудь из кухарей
Не слишком умных, жалуясь, что я его
Затмил, представши на пиру хозяином.
Затем-то и свою я долю из дому
Взял и смешал с другими, чтоб не думалось,
Как будто здесь я гость гостей собравшихся.
А из чужих даров я брал по малости,
Лишь чтоб отведать; а кому захочется
Отведанным набить утробу досыта,
Пускай на рынке докупают нужное.

Но чтобы блеск придать моим стараниям
Хочу начать свой труд я с императора,
И все тогда пойдет по-наилучшему.
О, лишь найти слова бы многозвучные,
Достойные воспеть дела великие!

К ИМПЕРАТОРУ

Пусть никогда не стяхнет с затылка ременное иго
Варвар и пусть никогда императору в очи не взглянет:
Пусть Персида, без сил, никогда покрывала не вскинет
Взгляд государя стерпеть; до земли преклоняя колени,
Пусть гребенчатый шлем пригнет под вечное бремя.
Пусть она сносит гнев авсонийской непрошенной власти.
Ты же, Гесперия, прежде — раба до оплотов Гадиры,
До иберийских проливов и океанической Фулы,
Вольной грудью вздохни, наконец, — уже скрытые прахом
Можешь ты перечесть черепа переменных тиранов
И драгоценный Рим принять в свои крепкие руки.
А на другой стороне, где Кавказ и Китейские брани,
Где когда-то быки копытами звончатой меди
Твердый хребет железной земли, ударяя, дробили, —
Там, сплетя хоровод с подругой Гамадриадой,
В быстром беге легко фасийская кружится нимфа,
Песней славя свой державный труд государя
И отвергая молву о тяжком рожденье гигантов.

Больше гордиться не след, что клюв иолкийского Арго
Вывел на те берега геройственный подвиг Ясона
И что колхидская почва, чреватая семенем грозным,
Путь открыла на свет боевым железным колосьям.
Может быть, сказка была, а может быть, злое искусство —
Оная повесть о том, как объятая дева любовью
Противостала силой волшбы велениям рока.
Ныне без колдовства и без темных заклятых напитков
Пал, доспехом гремя, бактрийский гигант всеоружный.
Больше не стало на свете земель недоступных, и море
Там, где Гирканский залив и где Эфиопские хляби,
Для италийских судов распахнуло тихую воду.

Мало того! И по суше тебе, авсонийский скиталец,
Путь безопасный повсюду открыт. В массагетских ущельях
Ты не встретишь врага, ни в Сузах негостеприимных.
Ты по индийским полям пройдешь, и ежели жажду
Ты ощутишь, то покорный Гидасп напоит тебя влагой.
Черный закат не помеха тебе. Бестрепетно выйдешь
Ты ко столпам Геракла и смелой своею пятою
След в Иберийских оставишь песках, где встали когда-то
Рядом над зыбью прекрасно текущей струи Океана

Две горы двумя рогами краев сопредельных,
Смертным людям надежду закрыв для дальнейшего
Можешь пройти в ливийскую даль, где живут наса»
Где два Сирта лежат, над которыми южные бури
В схватке лицом к лицу встречают натиск Борея
И обнажают морские пески, по которым в отливе
Дивное море сухую тропу открывает прохожим.
Нет, в какие края ни пойдешь к отдаленным народа
Все тебе не уйти от земель твоего государя,
Коего мудрая власть весь круг земной обомкнула.
И понапрасну теперь Танаис, разделяя пределы
Мира, сквозь скифскую степь струится, змеясь, к Меотиде.

К ДЕКУРИОНУ ФЕОДОРУ

Вот оттого-то, что добрый покой воцарился на свете,
 И оттого, что любым и внешним и внутренним смутам
 Путь отныне закрыт, пока державствует кесарь,
 Я и хочу, Феодор мой блаженный, устроить ученый
 Спор, где вступят в игру поэты великого хора.
 Я для тебя этот труд предпринял, для тебя стихотворный
 Свод собрал и в одну из многих единую книгу
 Снес пчелиный дар со всех концов разнотравья.
 Так, обобрав элегический цвет с обширного поля,
 Сплел я венок для тебя из лучших словес Каллиопы.
 Так посвящают Крониону — дуб, корабль — Посидону
 Перевязь от меча — Аресу, колчан — Аполлону,
 Лиру — Гермесу, а сыну Семелы — лозу винограда.
 Ибо я знаю, что ждет труды мои вечная слава,
 Если над ними твое, Феодор, надпишется имя.

Прежде всего я собрал, состязаясь с книгами древних
 Все, что родители новых стихов написали когда-то
 В честь старинных богов. Блюсти такую пристойность
 Повелевало мне подражанье словесникам древним.
 После этого мне подсказал давнишний обычай
 Взять все то, что написано в честь красивого места,
 Или картины, или скульптуры, или иного
 Дела рук человеческих, широкой достойного славы.
 Третий по праву раздел в моей новосозданной книге
 Будет то, что богам писалось на плитах могильных,
 Лишь бы нам удалось последовать их пожеланьям.
 Далее, все, что пришлось сочинить на жизненных тропах
 Тех, где судьба нетверда и волен обманчивый случай,
 Можно будет прочесть в моем четвертом разделе.
 Пятый раздел исполнен борьбы, порою шутливой, —
 Там прозвучат слова обоюдных обидных нападок.
 В песни шестого сама прокрадется царица Киприда
 И элегический стих преклонит к новым предметам
 Сладкой и милой любви. Седьмой же наш улей пчелиный
 Это — Вакхова радость, питье и разгульные пляски,
 Чаши, в которых разводят вино, и застольная роскошь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каменные столбы, картины, скрижали законов
 Служат отрадою нам только покуда стоят;
 Но отошедшей душе пустые почести смертных
 Мало утехи несут, малую пользу дают.
 Лишь добродетель одна и мудрость, сладкая сердцу,
 С нами в могилу сойдут, но и пребудут с людьми.
 Так ни Платон, ни Гомер не живут ни в краске, ни в камне
 Мудрость единая им, Мудрость бессмертье дала.
 Счастливы те, чья память живет не в пустых изваяньях,
 А заполняет собой свитки почтенные книг.

М.Г.

СТАРЫЙ РЕВНИВЕЦ

С возрастом ты поседел, притуплено жало желанья,
 Стихнули жар и страсть юных умчавшихся лет,
 Должен ты был бы понять, отчего молодые томятся,

И снисходителен быть к юным мучениям дев
 И уж никак не впадать во гнев за обычное дело -
 Ты же хватаешь нож и остригаешь косу.
 Имя твое «Антипатр» — «отцом» звала тебя дева;
 Ныне же ты «Антипал» — должен прозваться «бойцом».

НОВЫЙ ПОЛЕМОН

Взяв в образец Полемона, остригшего в сцене Менандра
 Пряди роскошных волос грешной подруге своей,
 Новый, второй Полемон окорнал беспощадной рукою
 Кудри Роданфы, причем не ограничился тем,
 Но, перейдя от комических действий к трагическим мукам
 Нежные члены ее плетью еще отхлестал.
 Ревность безумная! Разве уж так согрешила девица,
 Если страдания мои в ней сожаленье нашли?
 Нас между тем разлучил он, жестокий, настолько, что даже
 Видеть глазам не дает жгучая ревность его.
 Стал он и впрямь «Ненавистным» за то. Я же сделался
«Хмурым»,
 Так как не вижу ее, «Стриженной», больше нигде.

Л.Б.

НА АРИАДНУ, ТРАГИЧЕСКУЮ АКТРИСУ И КИФАРИСТКУ

Дева кифару взяла и коснулась с изяществом музы
 Струн, и подумал я: впрямь, то — Терпсихора сама.
 А на подмостках, когда лишь трагически голос понизит,
 Все Мельпомены глагол слышат, оцепенев.
 Если ж, как древле, свой суд на Иде Парис повторил бы,
 То уступила бы лавр Пафия деве моей.
 Но замолчу, чтобы Вакх ничего не проведал об этом.
 Не пожелал бы любви он Ариадны тогда.

С.Ц.

К ЛАСТОЧКАМ

Плакал я всю эту ночь, а когда рассвело и настало
 Утро, утешившись, я очи сомкнуть захотел, —
 Защебетали вокруг меня ласточки. Снова в страдания,
 Сладостный сон отогнав, птицы повергли меня.
 Очи совсем не жалеют себя, их сомкнуть не могу я,
 А уже в сердце моем мысль о Роданфе опять.
 О, перестаньте, болтуни, завистницы-птицы — не я ведь
 У Филомелы язык этой отрезал рукой.
 Итиса лучше оплачьте в горах и, на каменных ложах
 Сидя, пролейте слезу вы об Удоды судьбе.
 Пусть хоть немного посплю, и сон мне, быть может, приснится,
 Что обнимают меня руки Роданфы моей.

Ю.Ш.

СОТРАПЕЗНИЦЕ

Я не любитель вина; если ж ты напоить меня хочешь,
 Прежде чем мне поднести, выпей из кубка сама.
 Только губами коснись, и уж трудно остаться мне трезвым,
 Трудно тогда избежать милого кравчего чар.
 Он поцелуй от тебя принесет ведь с собой, этот кубок,
 Ласки, полученной им, вестником будет он мне.

Л.Б.

***

Не оплывай, мой ночник, ведь нагар предвещает беду мне,
 Дождь помешает прийти снова ко мне жениху.
 К Пафии — зависть твоя. Вспомни быль о Геро и Леандре,
 О, позабыть бы конец!.. Больше не думать о том!..
 Видно Гефеста рабом ты становишься, но на Киприду
 Гневаясь, ревность его только ты вводишь в обман.

С.Ц.

***

«Что ты вздыхаешь, приятель?» — «Влюбился». —
 «В кого же?» — «В девицу».
 «Разве уж так хороша?» — «Да, хороша на мой взгляд».
 «Где присмотрел ты ее?» — «На обеде одном, где на общем
 Ложе я с ней возлежал». — «Как же дела? На успех
 Есть ли надежда?» — «О да, и большая, мой друг. Но открытой
 Связи я с ней не ищу, жажду лишь тайной любви».
 «Брака законного все избегаешь?» — «Узнал я наверно,
 Что состоянье ее вовсе не так велико».
 «Если "узнал", так не любишь ты, лжешь. Помраченный
 любовью,
 Разве способен бы был правильно мыслить твой ум?»

Л.Б.

***

Раз мне пришлось одному возлежать меж двух женщин, —
в одну я
 Сам из них был влюблен, ну а другая в меня.
 Эта, целуя, тянула к себе, а я воровато
 Редкие тайно дарил той поцелуи свои,
 Этим стремясь обмануть соседку ревнивую, в страхе,
 Что как начнется попрек, так оборвется любовь.
 Горько вздохнув, я сказал: «Как тяжело любить и любимым
 Быть самому! Оттого я и страдаю вдвойне».

Ю.Ш.

***

Прежде, бывало, она гордилась своей красотой,
 Волны кудрей распустив, чванилась пышностью их:
 И насмехалась все время надменно над нашей тоскою.
 Ныне — в морщинах рука, прелесть былая ушла
 Груды висят и повывлезли брови, глаза потускнели,
 Губы лепечут теперь, шамкая, старческий вздор.

Право же, можно назвать седину Немезидою страсти:
Судит правдиво она, кару спесивым неся.

Ю.Ш.

***

Это, невеста, прими от меня покрывало. Взгляни, как
Золотом блещет оно, чудным узором своим.
Волосы им ты прикрой, иль накинь на белые плечи,
Или легко свою грудь этой накидкой обвей!
К нежному телу прильнет и его осторожно укроет
Мягкая ткань ото всех глаз любопытных чужих.
Этот покров ты носи, как дева, но помни о браке,
Скоро уж его цвет заколосится в груди!
Думай о детях! Хочу серебром я украсить повязку,
Сетку на лоб возложить с геммой тебе дорогой!

С.Ц.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МАЛЬЧИШЕК

Пусть Киприда мое измучит сердце пустое,
Возненавидит меня, если впаду в этот грех!
Нет, никогда не грешил я с мальчишками и не искал их,
Не обольщала меня гнусная эта любовь!
Хватит мне женщин одних, хоть от них натерпелся немало
А безбородых юнцов пусть заберет Питталак!

С.Ц.

***

Разве и ты не несешь это бремя и тягость, Филина,
Разве не знаешь тоски, долгих, бессонных ночей?
Или, Филина, ты спишь, а заботам нашим бессчетным
И огорчениям нет края, числа и конца?
Но и тебя те же ждут испытания, помни. Филина,
Трудности встретишь и ты, скорбь затуманит глаза
Многое Пафии часто претит, в одном — ее благость:
Гордых не терпит она, любит гордыню карать.

С.Ц.

***

И хоть меня целовать запретили красивой Роданфе,
Выход придумала все ж: пояс свой с бедер сняла,
И, растянув его между собою и мной, осторожно
Поцеловала конец пояса, —я же— другой.
Влагу тянул я любви, я вбирал в себя чистый источник
И поцелуи ее я ощущал на губах.
Тем же платил ей и я, мы в игре той усладу искали
Пояс Роданфы моей слил наши крепко уста.

С.Ц.

***

Старая гримза давно прожила вороньих три века,
Только на нашу беду все ее смерть не берет.
Лютое сердце у ней: ее не разжалобить златом,
Чистого кубком вина, даже большим, не смягчить.
Смотрит за девой всегда, а если заметит, что взгляды
Бросит украдкой она по сторонам, то тогда —
Наглость какая! — ее по лицу она бьет, заставляя
Нежную деву мою, горько стеною, рыдать.
Если Адониса ты, Персефона, любила когда-то,
То над страданиями ты нашими сжался, воздай
Милость обоим одну: избавь от проклятой старухи
Девушку, чтобы какой здесь не случилось беды

Ю.Ш.

ПАВЛУ СИЛЕНЦИАРИЮ ОТ АГАФИЯ, ЗАДЕРЖИВАЕМОГО ЗА ГОРОДОМ СУДЕБНЫМИ ДЕЛАМИ

Здесь, зеленея, земля, вся в цветенье побегов, явила
Прелесть этих ветвей, щедро дающих плоды.
Здесь голосисто поют, укрываясь в тени кипарисов,
Матери, нежных своих оберегая птенцов.
Звонко запели щеглята, и горлица тихо воркует;
На ежевичном кусту выбрала место она.
Радость какая от них мне, когда я хотел бы услышать
Больше, чем Феба игру, — голоса звук твоего
Как бы двойное желанье меня охватило: хочу я
Видеть, счастливцев, тебя, деву увидеть хочу
Ту, беспокойством о ком я вконец истомлен! Но законы
Держат меня, разлучив с быстрой газелью моей.

Ю.Ш.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИЙ. ОТВЕТ ДРУГУ АГАФИЮ

*Да, необуздан Эрот и не знает законов. Найдется ль
Дело, что в силах отвлечь от безрассудства любви?
Если ж законы и право тебя занимают всецело,
Значит в груди у тебя нет безрассудной любви.
Да и какая же это любовь, если узким проливом
Можно совсем разлучить с девой твоею тебя?
Силу любви нам Леандр показал. Презирая опасность,
Плыл он, отважный пловец, ночью по черным волнам.
А для тебя и суда есть, мой друг, только ты посещаешь
Чаще Афины, — совсем ты о Киприде забыл.
Дело Паллады — законы, а Пафии — страсть; и найдется ль,
Молви, такой человек, чтобы обоим служил?*

Ю.Ш.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ

К милой на ложе легла, потеснив ее грубо, старуха,
Деву прижала горбом жадная злая карга,
Словно стена крепостная ее оградив от соблазна,
Оберегая от всех поползновений чужих.
Двери служанка затем расторопная быстро прикрыла
И повалилась у ног, чистым упившись вином.

Не было страха во мне: крюк дверной приподнял я бесшумно,
 Платьем ночник загасил дымный, под ложе заполз.
 Вором проник я сюда, обманув задремавшего стража,
 И в ожиданье притих, лежа на брюхе своем.
 Но понемногу затем я свой стан распрямил и расправил
 Члены затекшие там, где позволяла стена.
 Вылез и с девушкой лег я неслышно и, грудь охвативши
 Нежную, долго ласкал, милой целуя лицо.
 Трудно прекраснее рот разыскать в целом мире и лучше,
 Радовал негою он и опьянял мне уста.
 Губы — добыча моя, поцелуй ее нежный остался
 Символом схватки ночной, знаком любовной борьбы.
 Пусть я твердыни не взял, не сломал я ограды и крепость
 Не разгромил до конца, девство ее сохранив;
 Неодолимой стеной предо мной оно твердо стояло,
 Но в состязанье другом быстро разрушу его.
 Вряд ли удержат меня все преграды, и после победы
 Я Афродите венок, коль повезет, принесу.

С.Ц.

***

Влажные девичьи губы под вечер меня целовали.
 Нектар уста выдыхали, и нектаром были лобзанья;
 И опьянили меня, потому что я выпил их много.

Л.Б.

ЖАЛОБА ЖЕНЩИН

Юношам легче живется на свете, чем нам, горемычным
 Женщинам, кротким душой. Нет недостатка у них
 В сверстниках верных, которым они в откровенной беседе
 Могут тревоги свои, боли души поверять,
 Или устраивать игры, дающие сердцу утеху,
 Или гулять, расписав красками лица себе.
 Нам же нельзя и на свет поглядеть, но должны мы скрываться
 Вечно под кровом жилищ, жертвы унылых забот.

Л.Б.

НАКАЗАННАЯ ГОРДОСТЬ

«Лишку ни в чем», — так мудрец говорил; я ж, как истый
 любимец,
 Словно красавец какой, так возомнил о себе!
 Думал, что девушки сердце в руках у меня безраздельно,
 Только плутовка, увы, тут показала себя.
 Голову гордую вверх подняла и гневные брови,
 Как бы жалея о том, что благосклонней была.
 Я же, суровый недавно, несклонный и неумолимый
 Так высоко залетев, разом упал с высоты.
 Все поменялось: упав к ногам своей девы, кричал я:
 «О пощади, я молю, — глупым мальчишкой я был!»

Ю.Ш.

АНХИЗ — АФРОДИТЕ

Муж твой, Киприда, Анхиз, на свидание с кем ты спешила
 Часто на Иду, теперь дарит, богиня, тебе
 Черный свой волос, который едва отыскал он и срезал, —
 Этот свидетель живой юных, ушедших годов.
 Ныне, иль сделай меня молодым, — ты ведь можешь, богиня, -
 Или, как юность мою, эти седины прими.

Ю.Ш.

*****

КРЕСТЬЯНИН СТРАТОНИК

Богу холмов посвятил Стратоник участок свой малый,
 Милостив был к нему Пан. — Агнцев, сказал он, паси!
 Рад я богатствам твоим! Смотри, человек, чтобы плугом
 Не осквернить целины, медью не взрезать ее.
 Здесь ты приют обретешь! И Эхо супругу, немедля,
 Радостно в дом приведет и осчастливит твой брак.

С.Ц.

***

Косы Афине, венки Афродите дарит Каллироя
 И Артемиде она пояс приносит теперь,
 Милого сердцу найдя жениха, проведя безупречно
 Юные дни, а затем сыновей породив.

Ю.Ш.

ВАКХАНКА ЕВРИНОМА

Я, Евринома, была вакханкой на горных утесах,
 Часто терзала бока крепкоголовым быкам,
 Смех мой громко звучал во время львиной охоты,
 Любо мне было потом львиной играть головой.
 Ныне прости, Дионис! Оставляю твои хороводы,
 И за Кипридою вслед в пляске знакомой иду.
 Вот тебе плющ и вот тебе бубен: и то и другое
 Бросив, теперь золотым буду запястьем блистать.

М.Г.

ПОСВЯЩЕНИЕ КНИГ

Мы - девять Дафновых книг, от Агафия. Наш сочинитель
 Всех, о Киприда, тебе нас посвящает одной;
 Ибо не столько о музах печемся мы, как об Эроте,
 Будучи все целиком оргий любовных полны.
 Сам же он просит тебя за труды, чтоб дано ему было
 Иль никого не любить, или доступных легко.

Л.Б.

ОТ ВИНА К ЛЮБВИ

Шкуру оленя тебе посвятил и с нею дубинку
 Пан твой, оставив твой хор из-за богини любви.
 Из-за нее это все, ибо бродит он в поисках Эхо.
 Милостив будь к нему, Вакх, - ты ведь с этим
 знаком!

С.Ц.

ОХОТНИК КЛЕОНИК

В дар козлоногому дам Дионису козла, он ведь тоже
 Любит залиvistый лай, псовый и заячий гон,
 Да и рыбачью он сеть нам натянет искусно, коль надо,
 Острый трезубец вонзит, с лодки забросит канат.
 Царь ты охоты двойной: и в погоне ты всех искушенной, -
 Заячьей травли вожак, и - господин на воде!
 В жертву приносит козла Дионису Клеоник, он тоже
 С моря улов приносил, зайцев с лугов поднимал.

С.Ц.

*****

КУРОПАТКА

Больше не будет гнезда у тебя, куропатка, на скалах,
 Не шевельнешь ты крылом в утренних солнца лучах.
 Дом твой, сплетенный из лоз на утесах, разрушен злодеем,
 И не увидать тебе блеска зари никогда.
 Голову кот оторвал тебе, бедной. И все остальные
 Члены твои истерзал, но не насытил себя.
 Ныне землей тяжело я тебя придавил, чтобы кости
 Вновь не отрыл он твои, и до конца не сожрал.

С.Ц.

ГЕТЕРА ЛАИДА

Я по дороге в Коринф могилу Лаиды увидел,
 Древней старухой она кончила путь свой земной.
 «Жалко, - сказал, - мне тебя, никогда хоть я не был с тобою».
 Тихо скатилась слеза с глаз моих - дань красоте.
 Юношей стольких мечты волновала когда-то, а ныне
 Леты поток все унес, в прах превратилась краса!

С.Ц.

ПЕРИКЛЕЯ, ЖЕНА РИТОРА, МАТЬ АГАФИЯ

«Путник, ты плачешь? Зачем! Ты знал меня?» — «Нет.
 Но злосчастный
 Мне твой известен конец. Кто ты, поведай, прошу!»
 «Я — Периклея, мой друг!» — «Жена чья, скажи мне?» -
 «Мемнона!
 Добрый он был человек, ритором в Азии слыл!»
 «Но почему тебя пыль покрыла Боспорская?» — «Мойра
 Скажет, зачем на земле чуждой могила моя!»
 «Есть ли дитя у тебя?» — «Трехлетнее! От материнской

Был он оторван груди, ищет напрасно ее!»
«Пусть он живет хорошо!» — «Да, друг! Скажи, чтобы вспомнил
Как подрастет он, меня, горькую пролил слезу!»

С.Ц.

***

Только четырнадцать лет мне исполнилось, и умерла я.
Дидим — отец мне, а мать — Талия, дочь я — одна.
Мойры лишили меня и супружества и материнства.
Как мои мать и отец ждали тебя, Гименей!
В брачный чертог отвести меня вместе родные мечтали,
Разве подобный удел мне подарила судьба?!
Ведь Ахеронта поток ненавистный увлек меня в Тартар.
Боги, утешьте печаль мне дорогих, я молю!

С.Ц.

***

Не со своею женой возлежал человек неизвестный.
Рухнула кровля — и вот сразу накрыло двоих.
Вместе сплетенными так и остались тела на столетья,
Оба попали в один общий смертельный капкан.
Будут в земле возлежать любовники бедные ныне,
Вечно в упряжке одной их да пребудут тела!

С.Ц.

ОХОТНИК ПАНОПЕЙ

Здесь Панопей погребен, охотник на львов дерзновенный
И на косматых пантер смело вздымавший копье.
В пятку ужалив его, убил скорпион, что из щели
Выполз внезапно, когда тот находился в горах.
Рядом с могилой копье его бедное брошено нынче:
Больше ему не пугать даже пугливых косуль.

С.Ц.

НА СМЕРТЬ СЕСТРЫ

Скрыла Евгению пыль земная. Когда-то, припомни,
В песнях и блеске цвела, только о правде пеклась!
И над могилой ее- Фемида, Пафия, муза,
Срезавши косы свои, в скорбном молчаньи стоят.

С.Ц.

ЭЛЛАНИС И ЛАМАКСИС

Лесбоса были красой Элланис вместе с Ламаксис милой,
Дев митиленских и жен всех были лучше они.
Остров прекраснейший тот, добычею Пахеса ставши,
Флотом военным Афин был разорен до конца.
Женщин затем пожелав, он, злодей, истребил их супругов,
Думая так овладеть ими двумя без труда.
Но по другому судьба, равнодушная Мойра, решила,

Все получилось не так, как захотел любодей.
 Через Эгейскую гладь неоглядную, волны морские,
 Жены чрез водный простор перенесли вдвоем.
 К скалам Мопсопии их принесло незаметно течение,
 Всем возвестили они Пахеса злые дела.
 Все преступленья его огласились в народе. Решили
 Полною мерой воздать за непотребство его.
 Жены вернулись домой к дорогим им могилам и рядом
 Ныне с мужьями лежат в гордой своей чистоте.

С.Ц.

*****

***

Стены, где, Троя, твои? Илиона богатые храмы?
 Головы павших быков жертвенных? Где они? Где?
 Где алебастровых ваз Афродиты узор? Где парчовый,
 Золотом шитый наряд? Статуя Девы благой?
 Войны, века и судьба, всемогущая Мойра, все смыли,
 Все унесла навсегда судеб различных река!
 Зависть сгубила тебя, но одно твое имя напомним
 Славу твою, Илион, — и не погибнет оно!

С.Ц.

***

Путник, идешь если ты из Спарты, глумиться не нужно
 Над Илионом, прошу, — многих унизил ведь рок!
 Если ж из Азии ты — не горюй: города пред Дарданом,
 Предком Энея, главу все преклонили свою.
 Пусть все пожрала война: и храмы, и жителей, — все же
 Я остаюся собой — царственной Троей всегда.
 О, подчини их, дитя, заносчивых эллинов этих
 Игу законов твоих, римского права орлам!

С.Ц.

АЯНТОВ КАМЕНЬ

Путник, не пробуй меня поднимать: я — камень Аянта,
 Мною он поразил Гектора в самую грудь.
 Черен я и шершав; но спроси у святого Гомера,
 Как под ударом моим был распростерт Приамид
 Нынче меня с великим трудом шевелят рычагами
 Люди нынешних лет, поле свое бороздя.
 Лучше в землю заройте меня! Мне стыдно игрушкой
 Быть в бессильных руках жалких людишек земных.

М.Г.

*****

НА КУПАЛЬНЮ В ВИЗАНТИИ

Я, Киферея, узнал, почему победила ты в споре,
 Тот Александра себе вырвав тогда приговор.
 Здесь омывая себя, знала ты, как добиться победы, -
 Гера - то мыла себя в Инаха водах, в других.
 Так победила купальня: увидя, вскричала Паллада:
 «Водами побеждена, вовсе не Пафией я!»

Ю.Ш.

НА МОСТ ЧЕРЕЗ САНГАРИЙ

После всех варварских толп, после Мидии, Геспера после,
 Твой остановлен поток бурный, Сангарий, теперь.
 Арками скована мощь. И рукой обращен ты владыки
 В рабство. Подумать кто мог, будешь что ты укрощен!
 Непроходим для судов, неповержен никем, непреклонен,
 Ныне, Сангарий, лежишь, в камень закован навек!

С.Ц.

НА КЛОАКУ В ПРИГОРОДЕ СМИРНЫ

Все мотовство человечье и пища богатая смертных
 Здесь потеряла совсем прелесть былую свою.
 Ведь и фазаны, и рыба, и все измельченное в ступе
 Здесь образует собой смешанный с грязью навоз.
 Это желудок сейчас же все выкинул прочь, что сумела,
 Чувствуя голод, в себя алчная глотка принять.
 Поздно о том узнает, кто, лелея безумные мысли,
 Золота столько отдал, чтобы остаться с дерьмом.

Ю.Ш.

ТО ЖЕ

Славный, счастливый, мужик — терпеливец! Вся жизнь твоя -
 это

Перенесенье невзгод пашни и бедности с ней;
 Скромнен обед твой, а сну предаешься ты в зарослях леса,
 Только водой утолив глотки безмерность своей.
 На ноги крепок однако, и здесь ты, присев ненадолго,
 Тотчас и без труда свой облегчаешь живот,
 Ты и не гладишь священную спину, не хлопаешь также
 Ты и по бедрам себя: тяжесть проходит сама.
 Как богатеи несчастны, живущие в вечном обилье!
 Больше здоровья они ценят обжорство одно.

Ю.Ш.

НА ДОМ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ВЕРШИНЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

«Боги поставили труд добродетели выше намного», —
 Так нам сказал Гесиод, видя как-будто сей дом.
 И поднимаясь наверх, по лестнице длинной, ведь точно
 Пот я со лба вытирал влажной горячей рукой.
 Море лежало внизу, огромен был вид с этой вышки,
 Крепость надежная здесь доблести, верный покой.

С.Ц.

***

Зодчий построил меня здесь Мусоний с трудом превеликим
 С моря холодный Борей дом обвеваает. Но сам
 Он не ушел от судьбы. И жилища зловещего Мойры
 Не избежал. И теперь он истлевет в земле.
 В прах превратился и в тень; я же радую взоры пришельцев
 И чужеземных гостей строгой своей красотой.

С.Ц.

***

В пурпуре море горит спокойное, белых барашков
 Ветер не хочет сгонять с волн заостренных хребтов.
 Ибо, у скал раздробясь на побережье, тотчас не уходит
 Вновь в глубину, а у ног тихо ложится волна.
 Дует сегодня Зефир и щебечет ласточка, терем
 Склеив из прутьев себе, хрупкое в скалах гнездо.
 Смело, моряк, отплывай и, если ты берег увидишь
 Близкий Сицилии, в Сирт если ладью приведешь,
 В жертву сжечь не забудь Приапу красного бока,
 Скара с ним вместе принести и на алтарь возложить.

С.Ц.

*****

***

Некий рыбак трудился на ловле. Его заприметив,
 Девушка знатной семьи стала томиться по нем.
 Сделала мужем своим, а рыбак после нищенской жизни
 От перемены такой стал непомерно спесив.
 Но посмеялась над ним Судьба и сказала Киприде:
 «Рук это дело моих - ты здесь совсем не при чем».

Ю.Ш.

***

Коль неожиданно кто из бедного станет богатым,
 Вмиг позабудет, кем был прежде, когда горевал.
 Дружбу отвергнет глупец, до конца никогда не поймет он,
 Что лишь играет судьба с ним, издеваясь зло.
 Был бедняком ведь и ты, припомни, везде побирался,
 Дали бы хлеба тебе на пропитанье, молил.
 Ныне же дать другим ты не хочешь. Но знай, все минует!
 Все у смертных пройдет и не вернется вовек!
 Если не веришь словам, пусть пример тебя личный научит:
 Как переменчива жизнь, знаешь ты сам по себе!

С.Ц.

***

Ум, ненавидящий брак, получить хорошо, но коль можешь,
 Пусть и мужская любовь станет отвратной тебе.
 Женщин, конечно, любить, это — зло, но не столь уж большое,
 Ибо природа дала все им для этой игры.
 Ведь посмотри на зверей неразумных: никто из животных
 Брак не бесчестит, как мы, все в нем законы блюдут.
 С мужем охотно всегда в сожительство, в брак ли вступает
 Женщина. Мы же подчас ищем запретных путей.

С.Ц.

О СМЕРТИ

Что так боитесь вы смерти? Она ведь начало покоя.
 Нашим болезням, нужде, горестям жизни конец.
 Раз лишь людей посещает она, и второго прихода
 Смерти к себе никому не привелось увидеть.
 Недуги ж часто и пестрой толпою одни за другими
 В жизни преследуют нас, формы меняя свои.

Л.Б.

ВИНОДЕЛЫ

Гроздья, несметные Вакха дары, мы давили ногами,
 В Вакховой пляске кружась, руки с руками сплетя.
 Сок уже лился широким потоком, и винные кубки
 Стали, как в море ладьи, плавать по сладким струям.
 Черпая ими, мы пили еще неготовый напиток
 И не нуждались при том в помощи теплых наяд.
 К чану тогда подойдя, наклонилась над краном Роданфа
 И осветила струю блеском своей красоты.
 Сердце у всех застучало сильнее. Кого между нами
 Не подчиняла себе Вакха и Пафии власть?
 Но между тем как дары одного изливались обильно,
 Лестила другая, увы, только надеждой одной.

Л.Б.

*****

***

Как, неразумный, избегаешь ты весов правосудия? Разве
 Ты не слышал, что о вас думают, людях таких?
 Слишком уверен в себе! Изворотливость речи, искусство,
 Вся пестрота твоих слов, — дешево стоят они!
 Пусть красноречье твое разыгралось, но вряд ли Фемиду
 Сможет оно убедить и отменить приговор!

С.Ц.

***

Андротииона, который прекрасно играл на кифаре,
 Некто спросил о его славном искусстве игры:
 «Крайнюю правую плектром ты тронул струну и за нею,
 Будто сама по себе, слева трепещет струна.
 Тонкий разносится звук, и ответная трель раздаётся,

Хоть и пришелся удар только по правой струне.
 Я удивлен: натянув бездушные жилы, природа
 Как бы созвучие им всем совокупно дала».
 Андрион же стал клятвы давать, что сам знаменитый
 Аристоксен и не знал вовсе теорий игры.
 «Впрочем, одно объяснение есть. Ведь струны кифары
 Все из овечьих кишок, свитых в одно и сухих.
 Все они — сестры друг другу и все образуют созвучье,
 Звуки родные его распределив меж собой.
 Все они близкие, ибо из чрева единого вышли;
 Всем им досталось в удел вместе созвучными быть.
 Так, если станет болеть правый глаз, зачастую на левый
 Он переносит затем боль и страданье свое».

Ю.Ш.

***

Равный Платону, второй Аристотель, и мудрости высшей
 Тонкий знаток Никострат как-то услышал вопрос;
 Был он к нему обращен и касался души: «Подобает
 Смертной ее называть, или бессмертна она?
 Тело имеет, иль вовсе она бестелесна? Конкретна,
 Иль отвлеченный предмет, иль сочетает в себе
 То и другое?» И вот, углубившись в мудреные книги,
 Стал о душе изучать он Аристотеля труд.
 Стал он в глубины «Федона» вникать, что написан Платоном,
 Истины всюду собирать, вооружая себя.
 В плащ завернулся затем и, погладив кончик бородки,
 Он, поразмыслив, такой всем изрекает ответ:
 «Смертна ль природа души, иль бессмертна она, — я не знаю
 И вообще ничего мне не известно о ней;
 То ль бестелесна, телесна ль она... ты сойди к Ахеронту —
 Будешь с Платоном тогда знать достоверно о том;
 Если угодно, возьми с амбракийца пример Клеомброта
 И, подражая ему, с крыши низвергни себя.
 С телом расставшись своим, себя самого ты познаешь
 И нерешенный вопрос сможешь тогда разрешить».

Ю.Ш.

***

После того, как закончил свой сев Каллиген-земледелец,
 Прямо к астрологу в дом Аристофану пришел
 И попросил предсказать, ожидать ли жатвы обильной,
 Будет ли с нею в дому щедрый достаток плодов?
 Тот свои камушки взял, подбросил затем на дощечке,
 Пальцы над ними согнул и Каллигену изрек:
 «Ежели пашня твоя увлажнится дождем благодатным,
 И не сумеют на ней пышно расцвести сорняки,
 И не скуют холода твою пашню, и градом не будут
 Сбиты колосья, — они тянутся кверху уже, —
 Если посев не потопчет лошак и беда не нагрянет
 С неба или с земли, поле твое погубив, —
 Я предрекаю тебе превосходную жатву: удачно
 Ты ее снимешь тогда. Лишь саранчи берегись»

Ю.Ш.

***

Ты словно призрак, и схож с незаметным для глаза дыханьем.
К людям поэтому ты остерегись подходить:
С воздухом втянут тебя при дыханье: ты воздуха легче,
Воздуха легкого, чем дышим мы все на земле.
Смерти ль бояться тебе?! Никакой перемены не будет.
Здесь привиденьем ты был, им же ты будешь и там.

Ю.Ш.

***

К ритору раз Диодору явился бедняк за советом
И попросил для него спорный вопрос разрешить:
«Как-то рабыня сбежала моя, а нашедший рабыню
Тотчас заставил ее жить со слугою своим,
Зная, что та — достоянье другого, — родились и дети.
Так у кого же теперь более права на них?»
Долго раздумывал ритор, заглядывал в разные книги,
После, нахмутив чело, слово такое изрек:
«Или хозяин им ты, или тот кто присвоил рабыню, —
Стало быть, им и служить или тебе, иль ему.
Но поищи-ка судью, что к тебе расположен, и быстро
Он в твою пользу решит, если ты только не врешь».

Ю.Ш.

***

Как-то лежал Алкимен в огневой лихорадке и было
Слышно, как в горле его страшный рождается хрип.
Бок нестерпимо болел, словно весь он иссечен мечами,
Часто бедняга дышал: было ему тяжело.
Тут и явился к нему Каллигнот, — сама Медицина —
Этот завзятый болтун, косской рожденный землей.
Знал он прекрасно прогнозы страданий, но только прогнозы;
Кроме грядущего он не объяснял ничего.
Он посмотрел, как лежит Алкимен, оглядел со вниманьем
Облик больного и пульс ловко пощупал его.
И углубился в трактат о критических днях говоривший,
Тщательно, как Гиппократ, все постигая слова.
После того Алкимену он громко изрек предсказанье
И на суровом лице важность застыла сама:
«Если окончится хрип и в боку прекратятся мученья,
И лихорадка тебе снова позволит дышать, —
Ты не умрешь от плеврита; ведь все это — нам указанье,
Что исцеленье твое скоро должно наступить.
Так, успокойся. Но все ж пригласи адвоката, богатством
Распорядись хорошо, жизни волненья оставь.
Мне же, врачу, за такое благое мое предсказанье
Треть от сокровищ своих по завещанью оставь».

Ю.Ш.

***

«Гнев воспой» изучал и учил я премудрости той же:
 С «гибельной» после женой в брак я, бедняга, вступил.
 Целыми днями воюет она и ночами воюет,
 Словно в приданое ей мать уделила войну.
 Если ж я буду молчать, уступая воинственной силе, —
 Драться ведь я не привык, — будет и тут воевать.

Ю.Ш.

*****

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Ангелиарху незримому, духу, лишённому плоти,
 Форму телесную дать воск-воплотитель дерзнул.
 И не без прелести образ; его созерцая, способен
 Смертный для мыслей святых лучше настроить свой ум.
 Но беспредметно теперь его чувство; приняв в себя образ,
 Сердце трепещет пред ним, как пред лицом божества.
 Зрение душу волнует до дна. Так умеет искусство
 Красками выразить то, что возникает в уме.

Л.Б.

СОФИСТУ ГЕРАКЛАМОНУ НА ПОРТРЕТ ЕГО В ПЕРГАМЕ

Долго медлили мы за твои медоносные речи
 Изображеньем тебя, славный оратор, почтить.
 Ныне за все труды и заботы о городе нашем,
 Мудрый Геракламон, мы тебе ставим портрет.
 Не обессудь, что скромен наш дар: такими дарами
 Мы почитаем всегда самых достойных мужей.

М.Г.

КУРАТОРУ ФОМЕ, НА СТАТУЮ ЕГО В КАЗНАЧЕЙСТВЕ ЮСТИНИАНА

Славный куратор Фома, безупречный слуга государя,
 Здесь молодые чины твой выставляют портрет:
 Возле державной четы, чтобы даже и после кончины
 Изображеньем своим близок ты кесарю был.
 Ты приумножил казну, но блюл святые законы,
 Благодаря тебе выше вознесся престол.
 Это — дар благодарности. Что еще может искусство,
 Как не воздвигнуть навек память о лучших мужах?

М.Г.

ВАКХАНКА В ВИЗАНТИИ

Здесь же ваятель воздвиг вакханку стыдливую. Вряд ли
 Есть уменье у ней этот кимвал потрясать.
 Вся наклонилась вперед и как-будто кричит: «Выходите,
 Я вам сыграю, хотя б не было здесь никого».

С.Ц.

КАРТИНА «САТИР»

Разве, Сатир, твой тростник звучит, как свирель, сам собою?
 Иль, к тростнику наклонясь ухом, что ловишь ты в нем?
 Он все смеется, молчит. Нам слово промолвить он мог бы.
 Но восхищения полн, сам он не помнит себя.
 Ясно, мешает ему тут не воск: восхищен он молчаньем
 Сам по себе, целиком флейте вниманье отдав.
 Мог передать в безгласных твореньях художник природы
 Образ: и как матерьял мог не поддаться ему?

С.К.

НА СТАТУЮ ПЛУТАРХА

Славный твой образ поставлен сынами могучего Рима,
 О херонеец Плутарх, в вознагражденье за то,
 Что в параллельных своих описаниях жизни ты римлян,
 Победоносных в войне, с цветом Эллады сравнил.
 Но ты и сам бы не мог в параллель своей жизни другую
 Чью-либо жизнь описать — так как подобной ей нет.

Л.Б.

НА СТАТУЮ ЭЗОПА

Славно сделал ты, старец Лисипп, сикионский ваятель,
 Что впереди семерых выставил ты мудрецов
 Образ самосца Эзопа: они ведь в своих изречениях
 Только твердили: «Будь так!» — а убеждать не могли.
 Он же к месту сплетал и важные речи и шутки,
 С вымыслом мудрую молвь слив в убежденье своем.
 Грубый приказ претит, а басни самосца Эзопа
 Сладкую в славе несут людям приманку к делам.

М.Г.

Воспроизведено по изданию: Эпиграммы греческой Антологии. - М.: ТЕРРА, 1999.
Перевод с греческого: М. Гаспаров, Л. Блюменау, Ю. Шульц, Т. Соколова и М. Цетлин, С.
Кондратьев.
 #####

**АЛЕКСАНДР ТАВРОСКИФ. АГАФИЮ ИЗ МИРИНЫ, ОБ ИЗДАНИИ ЕГО ЭПИГРАММ ОТДЕЛЬНО
 ОТ "АНТОЛОГИИ"**

*Просьба смиренная: строго меня не суди, о Агафий,
 Что разлучил я, наставник, тебя с кругом друзей и коллег:
 Слишком тяжел оказался Эрато венки многоцветный -
 Сгреб я соцветий охапку...Где там! Успел унести лишь одно.*

